

И. Климов

Размышления о полевом шоке

Идея текста появилась из желания описать необычную для меня ситуацию. Предыстория такая. Я уже продолжительное время работаю в исследовательской организации, довольно успешно и ответственно занимающейся массовыми опросами. Будучи человеком со вполне сформировавшейся и освоенной идентичностью “исследователя”, “профессионала” и “неплохого социолога”, я вдруг оказался перед суровой необходимостью провести исследование в жанре социально-антропологической экспедиции. То есть я должен был “выйти в поле” и встретиться лицом к лицу с теми, кого прежде наблюдал в прицел SPSS и видел лишь в линейках частотных распределений.

Не могу сказать, что прежде я ни разу ничего подобного не делал. Были и экспертные интервью, и походы на завод, маршрутные и уличные опросы. Но тогда, видимо, я еще не был поглощен своей профессиональной идентичностью и не боялся сделать “неправильно”. А точнее – вообще об этом не думал. Просто мне сказали: нужно делать примерно так – ну я и делал. Мой подход можно было бы назвать “методологией события”: сделано – “+”, не сделано – “-”. Других вопросов – насколько это грамотно, методически корректно, элегантно и ремесленно красиво – просто не было в моей голове.

А сейчас я оказался между Сциллой собственной идентичности и Харибдой необходимости сделать дело, которым прежде не занимался и к которому был психологически и профессионально не готов. Соответственно главный мучивший меня вопрос был – что делать и как это будет? Я откровенно нервничал, голова была забита множеством проблем: я ничего не понимаю в теме исследования, что бы такое выбрать в качестве предмета, как избежать наивного социологизма, с кем ехать, какова моя теоретическая рамка, что мне ближе в плане методологии – социальная антропология или этнометодология, чем в итоге моя работа будет отличаться от работы журналиста и т. д. Но в конце концов я неожиданно понял, что же лежит в основе одолевавших меня переживаний: я не знал, каким будет мой “вход в поле”.

О проблеме “входа в поле” написано довольно много и дельно. От прочтения этих текстов возникает сильное впечатление: какие знающие и опытные люди это писали! Однако учебно-академический жанр работ практически не приближает к пониманию того, что же делать лично мне в моей ситуации. Не думаю, что и я смогу сделать полезный кому-либо текст, содержащий практические рекомендации, подсказки и советы. Могу предложить лишь прием – отчасти терапевти-

Текст подготовлен в рамках образовательной программы Центра социологического образования Института социологии РАН “Качественные методы в социологическом исследовании-2008”.

ческий, отчасти технологичный, но в любом случае – приемлемый в качестве совета уходящему в поле исследователю. Этот прием – рефлексия собственного шока. В этнометодологии самонаблюдение определяется в качестве базового методологического приема: “кризисные эксперименты” Г. Гарфинкеля как раз и были направлены на актуализацию самонаблюдения в качестве первого этапа исследования, выполняемого в жанре этнометодологии. Идея простая – вовлечение собственной личности в исследование возможно только через проблематизацию своих реакций в ходе исследования, а это, в свою очередь, позволяет посмотреть “со стороны” на явление, изначально найденное в себе самом [Сафонова. 2005. С. 25–27]. “Положение, что социолог сам принадлежит к социальному миру, не означает... отрицания объективности социологического знания. Оно подразумевает учет тех связей, которые он поддерживает со своим объектом, и рассмотрение этих связей в качестве социального отношения, позволяющего выявить некоторые параметры исследуемого объекта. Поскольку социолог сам определен через характеристики его профессионального положения, его социальной траектории, и поскольку он более-менее приближен к своему объекту, то из этого вытекает, что всякий анализ объекта содержит в себе возможность самоанализа, который похож скорее не на самонаблюдение, а на доказательный анализ социальных препятствий социологическому знанию” [Пэнто. 2001. С. 74–75]. Так реализуется важный элемент методологии – разрушение предзаданных обыденным опытом представлений и анализ *происхождения* этих представлений [Бикбов. 2001. С. 301].

Применительно к моему случаю логика приема понятна: проблематизация собственных реак-

ций приводит исследователя к проблематизации своей ситуации, в которой приходится планировать или же вести полевую работу. А через это возможен выход на формулировку, уточнение или переопределение проблематики своего исследования. Показательный пример описан у Б. Маерхоф, проводившей исследование в еврейском центре для престарелых. Начало ее полевой работы оказалось связано с появлением острого чувства вины, которое принимало разные формы и отливало во множество вопросов, беспокоивших ее и как профессионала, и как обычного человека. В какой-то момент исследователь оказалась готовой бросить работу.

Однако, прорвавшись сквозь плотный слой переживаний, Маерхоф поняла, что стала свидетелем и участником тех способов использования и стратегий конструирования чувства вины, к которым прибегали обитатели Центра, и это стало одной из тем ее исследования (воспроизводится по: [Девятко. 2003. С. 39]).

Итак, предмет моей работы – обсуждение проблемы “входа в поле”. Но здесь я руководствуюсь не практико-прикладной точкой зрения – “делай раз, делай два”, а задаю себе несколько странную, отдающую походом к психоаналитику, установку:

рефлексия моих переживаний, связанных с выходом в поле, – суть мой исследовательский прием в арсенале иных методов.

Для начала...

Для начала я разыскал блокнот, на разных страницах которого записывал приходившие мне в голову идеи, вопросы, темы, которые хотел обсудить с коллегами, и выписал почти все эти свои заметки (которые смог разобрать). Потом по памяти дополнил их еще несколькими темами, которые, как я помню, тогда присутствовали у меня в голове. Получилась вот такая картина:

Что почитать
 Моя компетентность в строительстве. Надуют
 Пустая голова – напряженная
 Роли в исследовательской группе, в паре
 Персоносфера. С кем буду иметь дело
 Моя роль в поле С кем ехать?
 Я влияю на поле, а имя моей организации
 А поле на меня?
 Зачем им все это
 Кто я для них? К нам едет ревизор... Очарованность объектом по Могильнер
 Анонимность и конфиденциальность
 Архивация данных
 Во мне видят меня-исследователя, или “прокремлевскую контору”?
 Установка контактов
 Мужской и женский вход → МОСКВИЧ
 Кого взять с собой?
 Знаю ли, что буду делать и будет ли это так
 На каком из объектов сфокусироваться или охватить все
 Легитимация входа
 Если описывать социальные механизмы, описывать ли
 Кумулятивная тема – новая тема роль моего начальника?
 Исследователь как инструмент и как техника
 Исходный статус и рекомендация
 Какая теоретическая рамка? Могу ли позаниматься одной темой стоять в экспедицию по другой?
 Готовность объекта исследования к исследованию
 Доверяют или не доверяют?
 Могу ли приехать без разрешения и нужно ли вообще спрашивать
 Выбор ситуации наблюдения.
 Мой язык и их
 Своя роль – чужая роль. Актерство
 Попечительство в поле хорошо или плохо

И затем я начал с этим разбираться.

Какова природа барьеров

— ...Черт побери, я их боюсь, я не знаю с какой стороны надевать на эту корову седло! – басовито и отчаянно жестикулируя, говорит Олег, которому через две недели предстоит поездка к фермерам и колхозникам в Краснодарском крае. Он сидел боком на стуле, время от времени дергал себя за бороду и говорил о том, что хоть он и вырос в Краснодаре, но сельское хозяйство во всех видах прошло мимо него. И вот теперь – куры, телята, поросята, фермеры... Какие там с ними могут быть проблемы? Что такое себе думают? Чего изучать и как они к этому относятся? Да хоть на каком языке они говорят? Вот! – Олег задумчиво глядел на микрофон, стоявший на столе для фокус-групп. – Я не знаю, как с ними разговаривать, не знаю их языка и не знаю, смогу ли я, не поддельваясь под них, говорить. Наверное, я поеду туда на неделю пораньше, зайду в наш Институт агробизнеса, типа повышения квалификации нашенинским фермерам, соберу, ну, фокус-группу что ли...

Всегда ли перед выходом в поле возникают опасения и страхи? Наверное, нет. Но если напряженные все-таки существуют, это означает, что есть какие-то “барьеры входа”, и они требуют проявления. Психотерапию здесь следует оставить в стороне, нужно вспомнить основной вопрос этнометодологии: “Что происходит на самом деле?” Какая реальность скрывается за тем, что я наблюдаю здесь-и-сейчас? Ответ прост – это реальность моей исследовательской ситуации. Наличие когнитивных затруднений означает, что что-то в моем проекте исследования недодумано, непрояснено, что мне не хватает какого-то когнитивного ресурса для начала исследовательского действия, что проблему исследования я определил лишь формально, а сущностно она от меня все-таки ускользает, и т. д.

Мои переживания накануне поля – это часть моей исследовательской ситуации, и за ними скрывается нормальная, не психоаналитическая реальность – содержательные трудности моего исследовательского намерения.

Театр одного актера

Содержательные и программные недоработки – по-видимому, это естественная ситуация на этапе “до поля”. Начиная исследование, приходится одновременно решать множество задач – организационных, содержательных, теоретических, в том числе – поиск контактов, поиск “проводника”. И вот здесь приходится объяснять своему визави, чего же ты хочешь от него и от других, при том что пока ты сам не очень-то это знаешь. В этом кроется одно из ключевых обстоятельств “предполевого шока”: я опасаясь за свой имидж, за свою “сценически-полевую” роль, за то, как я сам ее конструирую и как для себя ее конструируют мои потенциальные собеседники-проводники-информанты, за непредсказуемые последствия от такого конструирования, которые в будущем могут осложнить или же сорвать и поле, и само исследование. Какими могут быть исследовательские роли? Турист, путешественник, посредник, ученый... Я понял две вещи: моя роль неразрывно связана с мотивацией тех людей, к которым я еду. И моей ролью, сфор-

мировавшейся в отношениях с gate-keeper – “проводником”¹.

Мне предстояло работать среди бизнесменов-строителей, и меня много чего волновало: я не хочу показаться совсем уж некомпетентным в строительстве, я не хочу, чтобы меня воспринимали в качестве “инфантильного интеллектуала”, или “московского сноба”, или – что еще хуже – в качестве своеобразного “проверяющего”. И вообще – я хочу, чтобы им было интересно прожить часть жизни со мной и с идеей моего исследования, что я интересный, забавный и “крупного калибра” человек.

*Из переписки И.К.:
первое содержательное письмо
после установления контакта
(имя изменено)*

*“Tuesday, May 15, 2007, 5:56:25 PM
Уважаемая Светлана
Степановна, здравствуйте!
Очень рад, что Вы откликнулись!
У меня довольно много вопросов и,
видимо, я буду Вам долго надождать.
У меня две задачи.*

*1. Описать проект не просто
в организационно-управленческом
формате, а в социальном
контексте: история появления
и развития идеи, личностный
фактор, среда – партнеры*

и контрагенты и т. д. Цель – ответить на вопрос: возможно ли транслировать этот опыт, возможно ли воспроизвести удачную социальную новацию?

2. Описать ситуацию с позиций будущих жителей: их финансовые стратегии и семейные бюджеты, желание своего жилья и проблема доверия к застройщику, и самое главное – возможно ли появление среди них поселенческого сообщества (что эквивалентно феномену “пригородной Америки” – появлению сообществ, принимающих на себя ответственность за собственность и за ту территорию, на которой они живут)”.

..Дальше – еще полная страница вопросов, слава Богу, вполне конкретных – о характеристиках полистиролбетона, об инженерной инфраструктуре, о сейсмике, о “социальном жилье”. Бог зна-

ет, что подумала молодая бизнес-леди, заместитель генерального директора по коммерческим вопросам, об исследователе из Москвы, прочитав это письмо! (Много позже она призналась, что полдня размышляла, что же написать в ответ и как).

Но к чему это и что это все значит? А то, что в принципе нам никто не запрещает придумать себе любой образ, создать такую легенду о себе и своей задаче, чтобы повисить наши шансы на успешный вход в поле и активное сотрудничество информантов. Такое желание возникает довольно естественно, тем более если мы проводим исследование – целиком или частично – в Интернете: тогда идея легендировать свою интернет-репрезентацию воспринимается как никогда “логичной”. Можно попробовать сыграть разные роли и для разных ситуаций, но увлекаться этим вряд ли стоит. И дело не в том, что в учебном курсе соцфака нет занятий по актерскому мастерству, а в том, что:

Во-первых, когда Вы готовите выход в поле, ищете и устанавливаете контакты, подумайте, что Ваши будущие информанты могут собирать информацию о Вас.

Во-вторых, невозможно без сбоев и проколов играть несвойственную тебе роль: неизбежно возникнет ситуация, когда ты не сможешь ее “поддерживать”².

Безусловно, не всегда и не все исследуемые будут собирать информацию о приезжающих исследователях, в большей степени этого следует ожидать, когда планируется исследование “узких” групп, например, профессиональных или экспертных, или же в том случае, когда вход в поле возможен только через совершенно определенного человека – “проводника”, “держателя врат” (gate-keeper), – например, руководителя организации или предприятия. Но даже если люди, с которыми предполагается общение в поле,

¹ Хорошее описание исследовательских ролей можно найти у В.И. Ильина [Ильин. 2006. С. 5–7]. Он пишет, что пробовал себя в разных ролях и остановился на “роли путешественника”. А эта метафора отсылает нас к тексту З. Баумана “От паломника к туристу”, который хоть и посвящен рассмотрению социальной проблемы, но может быть прочитан и с точки зрения методологии полевой работы [Бауман. 1995].

² Безусловно, очень многое зависит от планируемого “тайминга” встречи, контакта. Можно легко разыграть роль “блондинки” при встрече с гаишником или домовитой хозяйки на время приема гостей, но как быть, если гость остается на неделю-месяц “пожить”?

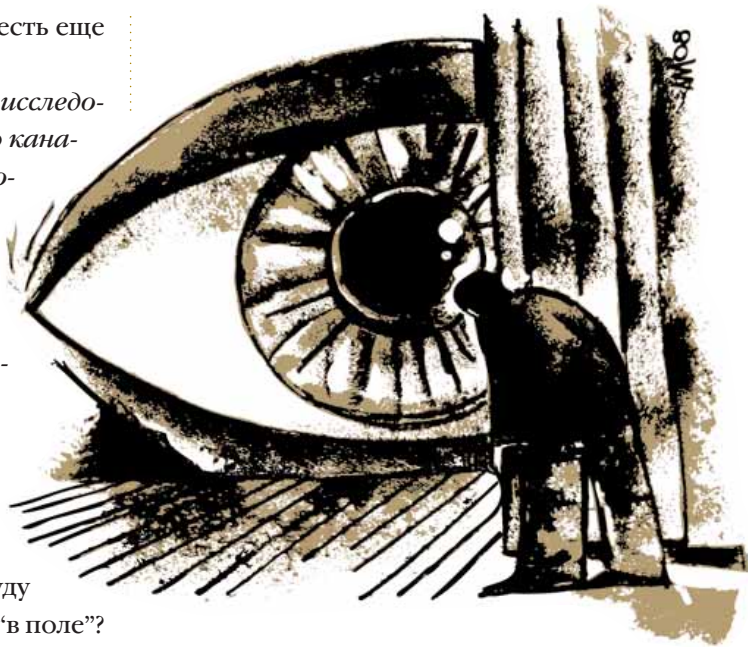
и не будут активными в своем поиске, есть еще и третье обстоятельство:

Информация об исследовании и об исследователях распространяется в “поле” по каналам, которые нам еще неизвестны, которые только предстоит узнать, и поэтому этот процесс происходит быстрее, нежели мы можем совершать перемещения в пространстве и осваивать коммуникативные сети наших информантов.

Исследователь как часть поля

С чем связана моя тревога о том, какую же роль – в сценическом смысле – я буду играть, что я буду представлять из себя “в поле”? Безусловно, я переживаю за результативность моего исследования. Безусловно, мне по-человечески не хочется ударить лицом в грязь и оставить о себе превратное представление. Но что это означает?

Это означает, что я как исследователь представляю из себя *exe*-шный файл, запускающий среди моих информантов и в поле в целом процессы адаптации ко мне, к моему присутствию, к моим действиям. И самый важный фактор (если не самый важный, то точно – первоочередной) – это “прочтение” меня другими, интерпре-

тация меня. Если обо мне не имеют априорной информации, то все равно обо мне имеют априорное представление, ну, или не обо мне, но о других – “типа меня”.

Любому человеку кажется, что он “знает” или хотя бы примерно “понимает” другого человека, и с первых же мгновений знакомства происходит типизация – разумеется, взаимная. Я сам и моя роль (мои роли) неотделимы от поля, хотя и служат отмычкой для входа в него. Л. Фестингер описывает ситуацию, когда выбранная исследователями легенда стала создавать эпифеномены – факты и события, рождающиеся только из присутствия исследователей в этом поле именно с этой легендой. Это было изучение небольшой секты, предсказывавшей скорый конец света. Наблюдатели “вошли в поле”, представившись людьми, имевшими “оккультный” опыт, сочувствующими идеям группы и желающими узнать побольше. Вскоре социологи столкнулись с тем, что их присутствие и сам факт прихода в группу интерпретировался ее участниками в качестве прямого подтверждения истинности откровения (воспроизводится по: [Девятко. 2003. С. 22–23]).

...Сквозь обычные шумы и гул в салоне машины, прыгающей по ухабам проселочной кубанской дороги, очень трудно различать голоса. Это диктофонная запись беседы социолога и фермера. Я прижимаю наушники плотнее. Слышно все равно неважно, но и разговор – так, ни о чем.

– ...Светлана Гавриловна, а что, в Москве все молодые такие?
– Какие “такие”?
– Ну, типа Ксении Собчак? Или этих, ну, которые из “Дома-2”?³

³ <Из комментариев С. К.> «Москвичи» или «они из Москвы» – это был едва ли не самый первый идентификатор нас в поле. Как воспринимается, как взаимодействует образ «москвича» с моим образом здесь-и-сейчас – отдельная тема для раздумий. Образ «москвича» амбивалентен: он близок к власти и он ленив, но отказываться и отрешиваться от роли москвича – это неправильно, кажется...

Моя полевая роль (выбранная по случаю или уже привычная) – это очень мощный и гибкий инструмент. Но одновременно нужно понимать те эпистемические ограничения, которые она накладывает на тебя и твою исследовательскую ситуацию; нужно не только понимать предзаданность своей познавательной “перспективы”, но и быть готовым к тому, что “поле” доопределит твою роль за тебя.

Командные роли

“Если честно, если не смотреть на то, что я говорю и объясняю другим, я не понимаю своей социологической задачи, которую должен решить работой в экспедиции. Поэтому нужно ехать не одному, а с кем-то, чтобы веселей было мучиться. Только так появится необходимость объяснять задачу и возможность ее критиковать. У одного, с самим собой это не получится”.

Г.Б. Федоров

Так в какой-то момент решил я. Но кому предложить? Как подобрать себе напарника? Как объяснить ему задачу? Как понять, справится ли он с работой? Все эти вопросы крутились в моей голове в течение всех пяти недель, отпущенных на подготовку экспедиции.

То, что нельзя ехать одному, было для меня очевидно. “Сущностям нужно обмениваться смыслами. Потому что любое дело, оставшееся однозначным, засыхает одиноко и бесплодно в памяти”, – говорил мой Учитель в археологии Георгий Борисович Федоров. Знание рождается не только из наблюдения фактов, но и через критическую интерпретацию этих фактов. А это всегда удобнее делать, если ты не один.

Кому предложить партнерство? Соглашаться или не соглашаться на предложение участвовать в тандеме или команде исследователей? Это все сложные вопросы, даже если речь идет о дав-

но знакомых людях: полевые условия открывают такие черты, привычки и особенности характера, которые в прежнем режиме общения никак не проявлялись. А кроме того, работа пары или команды – это не только выбор *общей роли* для предъявления внешнему миру, это также и установление ролей и взаимодействия между партнерами. И они тоже должны быть органичными. Какая стратегия окажется более результативной: “Туру и ученики”? “Начальник и подчиненный”? “Эксперт и профан”? “Молчун и балабол”? Хорошо, если ты идешь в поле с тем, кого хорошо знаешь и с кем уже доводилось работать. Но ведь так бывает далеко не всегда. В команде могут оказаться люди, в профессионализм которых ты *веришь*, но не *знаешь наверняка*, как они работают в поле. Соответственно, актуальной оказывается проблема, как вы сработаетесь, и как будут складываться полевые будни – предугадать невозможно. В любом случае, работа над командными ролями начинается в тот момент, когда ты или кто-то – тебе говорит: “Слушай, тут вот такое дело... поедешь со мной?”

<Из полевых заметок Л. П.>

“Изначально не были определены, не протворены нами наши роли в ситуации интервью. На что я имею право, на что – нет? Можно ли вмешиваться в ход беседы? Особенно если тема сложная и идет разговор “экспертного характера”. Можно ли ломать складывающуюся по ходу “рамку” разговора? Изначально самим было не понятно, как все это будет – встречи с бизнесменами, занятыми людьми, разработчиками, строителями... И, на мой взгляд, справляясь с этим успешно и без моей помощи, я была скорее наблюдателем ситуации, а не участником. Закономерно, на второй день нашей совместной работы нам стала очевидна некомфортность этого...”

Наверное, нужно быть готовым к тому, что уже в ходе работы в поле внутрикомандные роли потребуют корректировки. Так, в частности, связка “начальник – подчиненный” в одних

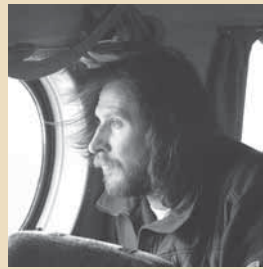
случаях хороша и эффективна, а в других – оказывается деструктивной для работы и достижения содержательных целей. Например, если в ситуации парного интервью (два исследователя и информант) “подчиненная” уступает инициативу в ведении разговора “начальнику” и не участвует в беседе, не задает своих вопросов, боясь “поломать стратегию начальника”. Или же наоборот, руководитель оказывается излишне авторитарным и его патернализм становится препятствием к тому, чтобы другие члены команды самостоятельно определяли себе программу действий.

Поиск партнера или команды для экспедиции – это уже начало моего “входа в поле”, потому что именно на этом этапе начинают складываться и взаимопределяться партнерские роли в команде и, соответственно, презентационные роли для поля⁴.

“М” и “Ж”, или “Подхожу ли я для поля?”

В подробном описании вопросов, которые появлялись в моей голове на этапе “до поля”, вероятно, можно усмотреть что-то невротическое. Пусть так. Но прежде мы договорились (ну, или я сам с собой), что за реальностью переживаний скрывается реальность ситуации. Вероятно, опытные исследователи, умея решать все подготовительные задачи и проблемы, “проскакивают” этап размышлений над пустяковыми вопросами – просто они уже “знают” возможные ответы. Но я уверен, что вопрос “подхожу ли я для этого поля” явно или неявно витает над любым исследовательским проектом – в голове руководителя экспедиции, в умах членов команды, в их размышлениях друг о друге.

В этих случаях валерьянку пить не надо, как не надо и заниматься психотерапией. Потому что ответ (рискну предположить) может быть только один: “Да, подхожу”.

“Просто нужно понимать, что мужское и женское поле – это два разных поля, и они могут не пересекаться, порой – жестко, – говорил мой друг полевой этнолог Константин Банников, подрезая на своем “Форде-Ка” безмятежный свадебный лимузин. –

На каком-нибудь бурятском празднике ты будешь сидеть с шаманом, с мужчинами, курить, кормить духов и говорить о космогонии, а твоя девушка будет с женщинами готовить еду для праздника.

Ее просто не пускают туда, к мужчинам. Но в результате ты не услышишь и не узнаешь разговоров женщин, что они там по-бабски обсуждают, над чем смеются, чего ждут, как что готовить и что любят их мужья. А можешь ты сказать, что полученное тобой знание сакрального более ценно, чем ее – повседневного-бытового? Нет, конечно! Просто оно для тебя закрыто па-а-лю-ю-бому! Потому что ты мужик, и бабой никогда не станешь!

Просто прими это!”

Что это означает? А то, что практически любой исследователь может войти практически в любое поле. Но оно будет открываться ему по-разному, и “пришедшему” будут доступны лишь определенные зоны, а другие зоны останутся скрыты. Соответственно, на подготовительном этапе нужно просчитать как особенности поля, так и “фактуру” исследователя или исследователей. А кроме того – еще раз взглянуть на цель и задачи всей работы: не нуждаются ли они в уточнении? Например, не разделиться ли группе и не описать ли практики распознавания и отторжения чужака в данной группе, поселении, субкультуре? В общем, мальчики – налево, девочки – направо...

Планируя работу, есть смысл системно оценить, какие фактурно-организационные возможности есть у исследовательской группы и какие эпистемические перспективы открываются в планируемом поле для каждого из ее участников при выборе той или иной стратегии “входа”.

⁴ Менять соотношение статусов внутри команды – задача если и возможная, то все равно связанная с некоторыми “ролевыми” проблемами. Как минимум, адаптация к новым внутрикомандным правилам все равно занимает определенное время. Соответственно возникает необходимость мониторинга командного стиля каждого из участников, взаимной адаптации, а также оперативного изменения и проговаривания “внутренних правил”.

Изучение персониферы

Большая часть тем, прописанных выше, были связаны с пониманием одного вопроса – “кто есть мы” для поля? Но, как мы знаем из теорий социальной идентичности, “мы” очень трудно сконструировать без “они”.

И действительно, я как исследователь никогда не пойму, как же мне себя вести, как входить в поле, пока не сформирую представлений о его *персонифере*: какими типажам и конкретными персонами, и даже – какими характерами представлено интересующее меня социокультурное пространство.

В учебниках пишут о поле как о какой-то границе: вот я еще не в нем, а вот – я уже внутри. Но что делал мой коллега Олег Оберемко? Отправился в Институт агробизнеса. Что делал я накануне поездки к сибирским строителям? Пошел к строителям московским. Только ли потому, что мы чувствовали себя неуверенно в теме предстоящего исследования? Не только. Интуитивно пришло понимание, что *исследовательское поле окружено предместьями, точно так же, как городище окружено посадом, а посад – ополем*. И вход в исследовательское поле (городище) мы начали очень издали – через контакты с теми людьми, которые могли рассказать о том, что творится на “посаде”, а затем – с теми, кто имел представление о делах внутри самого городища. И такой вход “не тревожил” нашего исследовательского поля, но повышал и нашу компетентность, нашу способность точнее идентифицировать полевую ситуацию, а также нашу готовность справиться с задачей, и кроме того – прояснял персониферу целевой группы с попутным формированием нашей собственной исследовательской идентичности. Например, из бесед в Инсти-

туте агробизнеса Олег с удивлением узнал, что некоторые краснодарские фермеры при распахивании земель используют GPS. А для меня (для одного из моих интервью) спасительной оказалась информация об увлечении одного из бизнесменов дайвингом, поскольку эта тема близка

и мне. Изучение персониферы – это “мягкий” вход в поле, это помогает находить контакты, оценивать их пригодность для целей исследования. И здесь очень важно *установить* контакт таким образом, чтобы была возможность актуализировать его при необходимости и, что более важно, – сохранить его на будущее, если нет необходимости в его актуализации здесь и сейчас⁵.

Очень редки ситуации, когда исследовательское поле не имеет “знающих” людей или экспертов “снаружи” – таких, разговаривая с которыми, можно получать информацию (пусть даже с искажениями) о привычках, нравах и персональном составе целевой группы, не вторгаясь в пределы ее персониферы и не тревожа преждевременно ее представителей.

Пустая голова

Вопрос, нужно ли быть теоретически подготовленным и компетентным накануне поля, является “общим местом” размышлений о качественной методологии. Разумеется, обсуждали его и мы, временами заглядывая в доступную литературу. И первым делом обнаружили разные концептуализации методологии, во главу угла ставящей... дилетантизм.

Для хорошего исследования, построенного в традиции *качественной методологии*, с точки зрения А. Страусса и Дж. Корбина, голова иссле-

⁵ Общим местом является указание исследователей на поиск “проводников”, “стражников”, “gate-keepers”, покровительство которых позволяет исследователю войти в исследуемую группу, сообщество, минимизируя свои затраты, в первую очередь – временные. Изучение персониферы помогло, например, мне оценить плюсы и минусы некоторых “gate-keepers” и принять решение провести часть полевых работ в отсутствие одного из них, чтобы избежать избыточного попечительства.

дователя должна быть свободной от каких-либо теоретических построений [Страусс, Корбин. 2001]. Теоретические построения – это любые априорные, долевые систематизации и предположения о причинно-следственных связях, которые подлежат испытанию и проверке. Будучи сформулированными накануне работы, они создают предзаданность и моего исследовательского пути, и моей эпистемической перспективы: я оцениваю релевантность своих построений по той фактологии, которую открывает мне поле. Но вот вопрос – он появляется из парадигмы социального конструкционизма: если социолог изучает процессы социального конструирования знания, то не оказывается ли он сам среди предзаданных представлений о своем объекте, которые не просто ограничивают его восприятие, но также и само постижение объекта? Ведь вводимые социальные категории и различия отражают не только “реальность”, но и интенции тех агентов, которые заинтересованы в ведении этих различий и классификаций в оборот [Ленуар. 2001. С. 81, 101].

В противовес этому предлагается методология “обоснованной теории” (grounded theory). “В исследовании по методу обоснованной теории мы стремимся не проверять связи между заранее отобранными переменными, а обнаруживать подходящие категории и связи между ними, соединять их новыми, а не стандартными способами. Так, если вы начнете со списка заранее определенных переменных (категорий), это может помешать вам открыть что-то новое. В проектах обоснованной теории вы стремитесь объяснять феномены в тех теоретических рамках, которые разрабатываются во время самого исследования. Таким образом, вы не хотите быть скованы, сохраняя верность ранее разработанной теории, которая может быть применима, а может быть и непри-

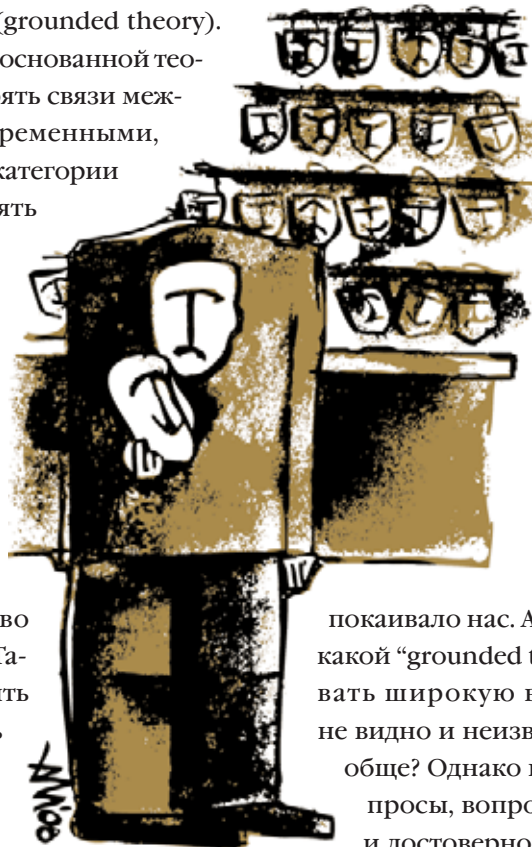
менима к области данного исследования” [Страусс, Корбин. 2001. С. 41]. Это означает, что в основе методологии лежит разрыв с *предпонятиями* – предположениями о свойствах изучаемого объекта, и ориентация на поиск “практических различий”, которые указывают на существование неких “несущих конструкций”, которые отвечают за существование изучаемого феномена, управляют его воспроизводством и включенностью в поле отношений [Бикбов. 2001. С. 324–325].

Логика понятна. Жизнь и социальные процессы оказываются на порядок сложнее и вариативнее, чем самая эвристичная теория и самые смелые фантазии. Главное – не переоценивать универсальность собственного взгляда на вещи и сохранять восприятие “наивного наблюдателя”. Концепцию происходящего следует “выращивать” из фактов, из тех нюансов, деталей и повседневных исследовательских открытий, которые позволяют нам совершать мастерство и компетентность полевого. Если эта концепция – на

последующих этапах анализа – начнет корреспондировать с какой-либо социологической теорией, это только послужит их взаимному обогащению. А если будет противоречить, тогда будет реализован основной принцип эволюционной эпистемологии: развитие через фальсификацию имеющихся знаний.

Примерно вот такое знание открылось нам накануне практического этапа работы, накануне наших “выходов в поле”. И это знание отнюдь не ус-

покаивало нас. А вдруг в нашем поле нет никакой “grounded theory”? Можно ли переплыть широкую воду, если другого берега не видно и неизвестно, существует ли он вообще? Однако все это уже более общие вопросы, вопросы о проблеме валидности и достоверности в качественной мето-

логии. Эта тема – как распознавать и реконструировать элементы обоснованной теории, что есть “реальность” и как соотносятся друг с другом профессионализм и дилетантизм – обсуждалась нами довольно активно. И именно поэтому данную проблематику есть смысл оставить в стороне, приберечь для следующего раза. Потому что был один вопрос, ускользавший тогда от нашего внимания: а каким будет наш вход в поле, если мы сунемся в него с “пустой головой”?

Из полевых заметок О. О. >

“...Мы ехали вместе с N. от одного из фермеров и обсуждали его ситуацию. Тот фермер жаловался нам, что запрошенный им кредит в 2006 году опоздал на две недели, из-за чего он не провел полевые работы, не заготовил корма для свиней в нужном объеме и в результате потащил проценты по кредиту с задержкой.

N: Нет, у него положение... У него есть техника. Сейчас он начал подрабатывать, пахать, ему деньги платят за это. И вот он сейчас эту живую копейку – сюда на погашение направляет <кредита>. То ж он еще просил дать кредит, чтоб купить еще корма, а мы говорим: мы не дадим тебе, они [свиньи] у тебя опять сожрут... ты их не продашь, и потащишь тебе нечем будет.

О.О.: Так, а чем он потащил? За счет шабашек?

N: За счет шабашек. А так бы дали – опять бы он вбухал в этих свиней...

О.О.: А чего он раньше не шабашил?

N: А зима была... [пауза 15 секунд]. Вы... от сельского хозяйства... далеки?

Считываемая – как правило, быстро – наивность вызывала иногда сочувствие и готовность подробно все объяснить – просветить “засланца из столицы”. Что, собственно, не противоречило цели исследования...”

Статус “профана” очень быстро считывается информантами, и иногда это можно превратить в исследовательскую роль и использовать в качестве эффективного приема: профану прогова-

ривают и объясняют то, что в разговоре с “более продвинутым” собеседником опускают, полагая “само собой разумеющимся”. Однако в иных ситуациях эта же роль может приводить и к негативным последствиям, например, из-за неприятия и отторжения “исследователя-профана”. В результате могут возникать опасные для всего исследования конструкции: “он не понимает, и нет необходимости ему объяснять”; “он не понимает, и нет необходимости говорить правду или быть искренним”. В случае, когда наше исследование затрагивает довольно-таки статусных лиц или людей с большим ресурсом профессионализма, тогда считываемая и стигматизированная профанность будет выпихивать исследователя из поля, закрывая возможности для поиска материалов. У меня задолго до отъезда в экспедицию состоялся разговор с одной из ключевых фигур в планируемом исследовательском поле, единственным gate-keeper. Разговор длился три с половиной часа и закончился фразой: “Я говорил своим, что и в Москве живут нормальные люди. Мне нужно было с вами поговорить, потому что... м-да, знаете... глупый друг хуже умного врага... чтобы понять, не навредите ли вы по глупости и непониманию и из лучших побуждений своим исследованием делу, в которое мы вкладываемся”... Профанность может интерпретироваться как отсутствие собственной позиции и ненадежность, как возможный источник угроз – намеренных или ненамеренных искажений, медвежьей услуги и дурного пиара.

Абсолютизация идеи, что следование методологии “grounded theory” освобождает исследователя от предварительной концептуальной работы ради сохранения “наивного восприятия”, может обернуться разрушением исследовательского реноме на этапе входа в поле и послужить стимулом к “выдавливанию” из изучаемой социальной сети.

А если гость пришел с утра?

Среди моих заметок о подготовительном этапе экспедиции есть две записи.

“18 мая. Я давно запланировал поездку на вторую половину мая, согласовал время, вчера выкупил би-

лет. Сегодня мне позвонил N. и попросил перенести мой приезд недели на две. Объяснения – не лучшая ситуация, не лучшее время. Долго думал: поехать, не смотря на просьбу, или проявить податливость. Сдать билет не удалось, пропал”.

“6 июня. Разговаривал с N. об июньской поездке. Билет не брал. Договорились отложить. Занятая фраза: “Запарка, некому будет вами заниматься”...”

Большая часть учебного материала посвящена готовности исследователя к полевому этапу. Это прочитывается во всем: от советов по технике интервьюирования и сбора данных до библиографической работы и выбора методологии. Но вот фактор, который больше других заставлял меня нервничать, – неготовность *объекта исследования* к исследованию. И это не вопрос моих отношений с gate-keeper – он и есть “поле”, ведь оно формируется его ответственностью за существующую социальную сеть. Неважно, какие резоны и доводы лежали за предложением отложить поездку. Важно, что мне дали понять три вещи:

- 1) моему визиту и исследованию придают большое значение;
- 2) ситуация, которая меня интересует, еще “не созрела” для того, чтобы ее афишировать и показывать – с точки зрения gate-keeper;
- 3) из-за массы дел нам не смогут “уделить внимание”.

Если исследование – это хождение в гости, тогда это означает, что дом еще не убран, стол еще не начали накрывать, за жарка будет вот-вот и ее нужно не упустить. И совершенно тут не до гостей, которые вознамерились приехать раньше срока – что нехорошо, нелюбезно и просто нервно, ведь всем хочется ладно и хорошо отпраздновать день рождения!

Безусловно, описанную мной ситуацию можно свести к проблеме поиска “проводника” в исследовательское поле, выстраивания отношений с ним и легитимации моего исследовательского интереса. Действительно, это очень важный элемент планирования и подготовки исследования, и в литературе данная проблема хорошо и систематически описана⁶. С этой точки зрения двойной перенос сроков – свидетельство каких-то аномалий в моих отношениях с gate-keeper. Однако именно такое прочитывание проблемы, как я это понимаю уже задним числом, предопределило не только мое нервическое состояние, но также и мою исследовательскую перспективу. В июле, когда наконец была достигнута твердая договоренность, я был настолько рад началу полевого этапа, что совершенно “забыл” о факте переноса сроков и даже не подумал проблематизировать для себя этот вопрос в качестве исследовательского. Точнее, я интерпретировал этот факт как проблему моих отношений с “проводником”, а не как индикатор состояния моего исследовательского поля. Соответственно, я не возвращался к этой ситуации в беседах с информантами и gate-keeper, не проблематизировал перед ними этот факт. Я сам не задался

⁶ См., например: [Девятко. 2003. С. 35–36, 40; Ильин. 2006. С. 87–88].

вопросом: а что, собственно, происходило “в поле”, что на мне и моей исследовательской ситуации это отразилось таким вот образом?⁷

Сбои и аномалии в установлении контактов на этапе “до поля” могут свидетельствовать не только о подготовленности и мастерстве исследователя, но также и о готовности поля принять исследовательскую группу. Видимо, полезно время от времени задаваться вопросом: что я понимаю о ситуации в исследовательском поле и могу ли я прогнозировать его состояния (сиречь – реакции на меня и мои исследовательские роли)?

проделанной работы, как правило, увлекает более, чем нудное описание того, *как именно* это было сделано. А с течением времени, и особенно после проведенного поля, оглушающего своей феноменологической целостностью и уникальностью опыта, результаты такой рефлексивной деятельности тускнеют, становятся фрагментарными и актуализируются “по случаю” в виде баек и анекдотов.

Может быть, так и нужно – очень трудно отделять реальность участия и погруженности в решение оперативных проблем от методологической рефлексии. Тем не менее, можно попытаться подкрепить выполнение такой задачи как организационно, так и на уровне установок.

Во-первых, взять метод самонаблюдения в качестве первого исследовательского приема. В. Ильин так определяет цель самонаблюдения: понимать других, основываясь на установке “то, что я чувствую, воспринимаю, думаю в ситуации моего исследовательского поля, то же, вероятно, чувствуют, воспринимают и думают другие люди, оказавшиеся в аналогичной ситуации” [Ильин. 2006. С. 94, 96–97]. В нашем случае задача будет чуть более специфической: реконструировать методологически значимые компоненты моей исследовательской ситуации *сквозь мою интеллектуальную и эмоциональную погруженность* в нее.

Во-вторых, можно вести дневник самонаблюдения с самого начала работы над идеей будущего проекта и исследования. И здесь можно следовать классической логике дневника:⁸

- фиксировать события, которые сопровождают ситуацию планирования исследования, под-

“Осадки” и “производные” методологической рефлексии

Я смотрю на список оставшихся вопросов и понимаю, что имеется еще множество сюжетов для размышлений. Например, как идентификация моего исходного статуса – профессионального, социального – влияет на вход в поле? Является ли мой начальник – вполне публичный человек, – да и сама исследовательская организация, на которую я работаю, элементом того поля, которое я собираюсь изучать? Однако есть три выраженных ощущения.

Первое – что пора остановиться: нужно что-то оставить “для другого раза”. Второе ощущение – что, по-видимому, любая полевая работа любой исследовательской команды сопровождается методической и методологической рефлексией. И третье ощущение-предположение – что редко когда результаты такой работы отражаются в систематическом виде: содержание

⁷ Возможно, это было ошибкой – идти навстречу пожеланиям gate-keeper. Согласно методологии Гарфинкеля, если я нарушу привычный порядок жизни, создав проблему (в данном случае – самим фактом своего появления в поле), то это может дать некоторое знание о том, как обычно поддерживаются те или иные социальные практики. См., например: [Гарфинкель. 1999].

⁸ См., например: [Ильин. 2006. С. 98–99].

готовки проекта, установления контактов и “входа в поле”;

- отмечать собственные эмоциональные и поведенческие реакции;
- делать пометки о собственной интерпретации событий и об их возможном значении для методологической рефлексии.

В-третьих, с самого начала ориентироваться на работу в группе – совместно с теми коллегами, с кем вы пойдете в поле или кто ведет и планирует аналогичную исследовательскую работу. Нужно в режиме мониторинга вести обсуждение событий, решений и действий в ситуации “до поля”.

И последнее. Неплохо запланировать и проводить методологические семинары и готовиться к ним – набросками идей, тезисами или хотя бы тематизацией проблем, пусть даже несистематической.

“Сущностям нужно обмениваться смыслами, чтобы оставаться сущностями”... ■

Литература

- Бауман З.* От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4.
- Бикбов А.Т.* Формирование взгляда социолога сквозь критику очевидности // Начала практической социологии / Под ред. Н. Шматко. М.: Алетейя, 2001.
- Гарфинкель Г.* Понятие “доверия”: доверие как условие стабильных согласованных действий и его экспериментальное изучение / Пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 11: Социология. 1999. № 4.
- Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. М.: КДУ, 2003.
- Ильин В.И.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб: Социополис, 2006.
- Ленуар Р.* Предмет социологии и социальная проблема // Начала практической социологии / Под ред. Н. Шматко. М.: Алетейя, 2001.
- Пэнто Л.* Личный опыт и научное требование объективности // Начала практической социологии / Под ред. Н. Шматко. М.: Алетейя, 2001.
- Сафонова Т.В.* Непонимающая социология: истории из жизни этнометодологов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 4.
- Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техника / Пер. с англ. и послесловие Т.В. Васильевой. М.: УРСС, 2001.